
«ТОЧКА ОТСЧЕТА»: ИСТОРИЯ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК НОВАЯ СУБДИСЦИПЛИНА

Татьяна Алексеева*

DOI 10.24833/2073-8420-2018-3-48-69-79

Введение. Новая субдисциплина Теории международных отношений – История ТМО, уже утвердилась в научном сообществе международников. Одной из основных проблем, поставленных учеными, стала проблема, возникающая в связи с гетерогенностью, фрагментарностью и структурной «невыстроенностью» ТМО. В данной статье поставлен только один из множества, возникающих в этой связи вопросов, а что можно считать «точкой отсчета», т.е. моментом начала дисциплины, с которого можно вести анализ полученных результатов?

Материалы и методы. При подготовке статьи был использован метод сравнительного анализа интеллектуальных традиций в истории политической и правовой мысли.

Результаты исследования. В настоящее время Теория международных отношений все еще переживает период становления, для которого характерна фрагментарность и отсутствие согласия в отношении ключевых моментов ее развития, включая даже дату ее появления. Рождение новой субдисциплины – Истории Теории международных отношений вполне закономерно, поскольку позволяет выстроить необходимые «мосты» и уточнить детали развития международных исследований.

Обсуждение и заключение. Ни один из существующих сегодня теоретических или эпистемологических подходов не может быть сочтен достаточно полным, чтобы претендовать на монополию в сфере международных исследований. Тем более никакой интеллектуальный прогресс не допускает абсолютного превосходства тех или иных теоретических воззрений. На фоне крайне сложных и противоречивых проблем реальных международных отношений, никакие простые и однозначные объяснения невозможны. Поэтому пришла пора отвернуться из бесконечных межпарадигмальных дебатов и обратиться к осмыслению реальных проблем, но это потребует, как об этом писал, например, Дэвид Лэйк признания значения других мнений и формулирования лексикона, способного выявить то общее, что есть у разных исследовательских традиций, а не только их различия.

* **Алексеева Татьяна Александровна**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Заслуженный деятель науки РФ
e-mail: polittheory@mail.ru.
ORCID ID 0000-0002-6561-2281

Введение

Примерно в конце 1990-х гг. XX века зародилось новое направление в теоретико-международных исследованиях - *История* теории международных отношений. К этому времени теоретические исследования международных процессов и явлений прошли уже довольно долгий путь, накопили внушительный багаж и, наконец, у них возникла потребность в обращении к собственной истории как самостоятельной дисциплины. В отличие от сложившегося более или менее канона истории политической мысли, новая наука, как и объект ее интереса, с самого начала рассматривала процесс становления и развития теории МО с крайне фрагментарных и дискретных позиций. Во многом это связано не только со спецификой становления самой дисциплины, но и с современным состоянием интеллектуальной истории как таковой, ибо новая дисциплина очевидно находится на стыке международных исследований и истории политической мысли. Тем не менее уже сегодня выявились некоторые подходы и результаты исследований в этой сфере, которые заслуживают внимания международных.

Исследование

«Появление истории теоретических исследований как самостоятельной субдисциплины в области международных отношений - одно из важнейших событий за последние двадцать лет», - указывает американский международник Ян Холл [16]. Нельзя сказать, что ранее ничего не предпринималось в этой области. Однако первые работы по истории теории международных отношений мало отличались от книг по истории политической мысли в целом. Например, книга Ф. Меллиона Стоуэлла «Подъем международной мысли» (1929 г.), как подчеркивали многие исследователи, носила характер «великой эпической истории» рассуждений о политике, в которые была включена и внешнеполитическая деятельность.

История международно-политической мысли в целом довольно близка к интеллектуальной истории, хотя и имеет некоторую специфику. Она приобрела более или менее структурированный характер только в новом тысячелетии - в начале XXI века, в немалой степени благодаря работам крупнейшего британского историка Дэвида Армитаж - автора трилогии «Основания современной

международной мысли», изданной между 2000 и 2013 гг. [7].

На сегодняшний день можно выделить несколько линий в интерпретации истории теории международных отношений:

во-первых, это группа исследователей - «контекстуалистов» («Джон Покок, Квентин Скиннер, Питер Ласлетт, Джон Данн и шире - новая Кембриджская школа истории политической мысли»). Основной акцент кембриджские профессора делают на исторические условия и интеллектуальный контекст дискурса в конкретную историческую эпоху. Члены этой группы полагают, что использование «традиций» и «парадигм» содержит риск анахронистского прочтения текстов прошлого и настаивают на необходимости восстановить политический язык соответствующего периода, а также событийный контекст [21, 25]. По их мнению, значительная часть исследователей грешит сегодня слишком современным пониманием социальной и политической жизни прошлого.

Во-вторых, это «школа» «внутренней дискурсивной истории дисциплины», сложившаяся на основе работ американского профессора Джона Ганнела. Речь идет об изучении споров вокруг ключевых концептов теории международных отношений. Например, предлагалось раскрыть концепт «анархичности международной системы» через изменяющиеся дискурсы в отношении этой идеи [18].

В-третьих, опираясь на «археологию знания» в интерпретации французского философа Мишеля Фуко, а также другие постструктуралистские и постмодернистские подходы, исследуется прежде всего происхождение концептов и теорий. В основу археологии знания Фуко включил темы, взятые у Фрейда, Ницше, Маркса, но получившие преломление сквозь призму современной французской эпистемологии (например, работы Гастона Башляра,) с акцентом на радикальную прерывность в развитии знания. Археология знания опирается не на сознание, а на бессознательное; не на факты, а на высказывания; не на субъективные очевидности, а на устойчивые механизмы общественного функционирования; не на телеологию (цель) накопления знаний, а на связные ансамбли синхронных закономерностей.

В самом деле, при рассмотрении разных вариантов структуризации теории международных отношений, как правило, утрачивается исторический контекст, а именно он, как представляется, только и позволяет понять смысл и значение возникающих концептов

и их интерпретации. Автор одной из последних, фундаментальных работ в этой области, английский профессор Торбьерн Кнутсен пишет даже, что рассмотрение зарождения, становления и утверждения теории международных отношений, само постоянно переживает мутации и трансформации, во многом напоминает охоту на хамелеона [19. С. 11]. В конце концов, речь идет о сознательных попытках осмыслить изменчивую, подвижную и крайне противоречивую реальность, опираясь на самые разные традиции, подходы, взгляды и культурные основания.

В любом случае, ставя вопросы по поводу теоретизирования вокруг международных отношений, мы обнаруживаем множество самых разных ответов. Историческое прошлое этих ответов включает широчайший спектр разных форм «международного» порядка, акторами которых были полисы (города-государства), империи, государства эпохи позднего феодализма и раннего капитализма, наконец, национальные государства. Поэтому здесь важно сделать существенную оговорку: когда мы рассуждаем о «международных отношениях» и соответствующих «воображаемых конструктах», так или иначе связанных с противопоставлением внешнего и внутреннего, таких как суверенитет, внешняя политика, международное право и др., с исторической точки зрения приходится допускать изрядные искажения, поскольку далеко не все государства подпадали, да и сегодня подпадают под категорию «национальных». Однако, коль скоро эти понятия утвердились как в академической среде, так и среди политиков, мы будем употреблять эти понятия в самых разных контекстах, однако необходимо помнить об их условности. История, кроме того, наглядно доказывает, что международный порядок может строиться на самых разных принципах.

Неудивительно поэтому, что в академической среде и сегодня поднимаются вопросы не только о происхождении, но и об идентичности дисциплины, а на них трудно ответить, не обратившись к истории теории международных отношений. В самом деле, пройденная теорией эволюция «от дискурса к дисциплине» многое может объяснить с точки зрения содержательного поля, методологии и акцентов на определенных концептах в разные исторические периоды.

Но зачем нам вообще забираться в историю теоретизирования в давно прошедшие эпохи и размышлять об идеях, вроде бы утративших свою актуальность?

Известный канадский специалист по истории и историографии теории международных отношений Брайан Шмидт объясняет это следующим образом:

во-первых, по его мнению, многие теоретические прозрения часто забытых ученых вообще выпали из памяти, а они могут оказаться весьма полезными и в настоящее время.

Во-вторых, в дисциплине сформировались собственные мифы в отношении эволюции этой области знания, существенно искажающие реальную картину.

В-третьих, понимание истории ТМО может адекватно объяснить, почему мы сегодня используем те или иные концепты или идеи при исследовании международных отношений. В то время как многие практики и позиции для решения новейших дилемм подаются нам как «инновационные», на самом деле, они являются реинкарнацией дискурсов прошлого.

Наконец, в-четвертых, внимательное прочтение истории ТМО создает потенциально плодотворный базис для критической рефлексии настоящего. Знание действительности противостоит мифической истории, и оно может принудить нас переоценить некоторые господствующие «образы» и откроет столь необходимое пространство для осмысления международных отношений в соответствии с императивами нового тысячелетия [24. С. 4].

Одной из остро дискуссионных тем историков международных исследований стал вопрос о точке, с которой, собственно, следует вести отсчет в происхождении дисциплины. Остановимся на этом подробнее.

От Вестфалия...

В конце 1940-х гг. на волне празднования трехсотлетия Вестфальской системы 1648 года возникла мода, впоследствии превратившаяся в традицию датировать начало международных теоретических исследований моментом перехода к Модерну (Современности). Вестфальские договоры, как считает подавляющее большинство исследователей, создали интеллектуальный базис дисциплины, отразив «революцию суверенитетов», сыгравшую фундаментально значимую роль в формировании современного международного порядка [3]. Отныне акцент делался на межгосударственные отношения. Ключевой темой также становилась проблема происхождения войн как части функционирования суверенных государств.

Представители чуть ли не всех базовых «школ» и течений в теории международ-

ных отношений - реалисты, представители «Английской школы», либералы и т.д. предпочитали отныне начинать рассмотрение дисциплины именно с этой точки исторического времени. Конструктивисты также отмечали ее как знак перехода от гетерономии феодализма к современному суверенному правлению государств на основе принципов территориальности, невмешательства в дела друг друга и легального равенства государств [23. С. 271-279]. Неудивительно поэтому, что датирование теоретических исследований с момента Вестфалия, совпавшего в широком смысле по времени с переходом от феодализма к Модерну, быстро стало чуть ли не общим местом в статьях и книгах.

Если политическая система Средневековой Европы была комбинацией универсального и локального, то появление в XIV веке такой политической единицы как государство существенно упростило систему, оно заняло промежуточное положение между универсальным и локальным. Государство нового типа встало в оппозицию папе и императорам на универсальном уровне; феодальным лордам, крестьянам, купцам и ремесленникам – на локальном. Государство с самого начала провозгласило себя как независимое и самоуправляющееся. Однако власть королей была существенно ограничена отсутствием бюрократических структур, постоянных армий и крайне скудными ресурсами для налогообложения. Только с XVI века началось конструирование государства, как мы его понимаем сегодня. В конце концов, вследствие множества интриг и игры на противоречиях начинает зарождаться будущее суверенное государство.

Как известно, Вестфальский мир состоял из двух мирных договоров, подписанных в Оснабрюке и Мюнстере. На двух конгрессах впервые в истории в самом деле отдельные политики предстали в качестве суверенных государств. Поэтому Вестфальские договоры явились новым типом дипломатического договора, установленного государствами ради государств. Легальный порядок, построенный на их основании, утверждал право суверена управлять своим народом, не допускающим внешнего вмешательства, какими бы политическими, правовыми или религиозными мотивами ни руководствовались другие государства, Папа или император Священной Римской империи. Поэтому самым важным элементом договоров был принцип суверенитета, предопределивший все дальнейшее развитие международных отношений. Именно государственный суверенитет сделал со-

вершенно необходимым разработку методов межгосударственных отношений и стандартов поведения. Следует также обратить внимание на то, что участниками Вестфальских договоров были зачастую крошечные государства (194 государства представляло 179 слов), которые не имели ни ресурсов, ни потенциала для реальной защиты собственного суверенитета.

Эти договоры определили права и обязанности государств во взаимоотношениях друг с другом на основании принципа «государственной разумности» (*raison d'état*), освобожденного, однако, от моральных и религиозных элементов, воплощенных ранее в традиции «естественного права».

Период XVI-XVII вв., как полагают сторонники этой точки зрения, может стать «точкой отсчета», так как именно тогда территориальные государства, и, соответственно, конкуренция между ними, а не просто между племенами, народами, крепостями, династиями или общинами стала нормой, что предполагало отныне четкое противопоставление внутренней и внешней политики.

Именно после Вестфалия борьба за территорию становится важнейшей причиной межгосударственных конфликтов. Из 119 войн, имевших место с 1648 по 1945 гг. 93 (т.е. 78%), целиком или частично включали борьбу за территории, причем большинство их приходится на первое столетия после Вестфальского мира [22].

Следует признать, что поначалу политические мыслители, обращались к межгосударственным отношениям преимущественно в качестве «побочного» продукта, как бы попутно, в процессе размышлений о государстве, его сущности и природе. В самом деле, лишь в нескольких случаях «до Вестфалия» появлялись самостоятельные работы, посвященные именно отношениям между государствами (например, «История Флоренции» Н. Макиавелли, «Баланс сил» Дэвида Юма и т.д.). Преимущественное осмысление государства как такового делало историю международной теории неотделимой на протяжении длительного периода времени от политической теории и философии политики. Поэтому помимо фундаментальных трудов о политике, исследователь истории теории МО вынужден обращаться к дипломатическим документам прошлых столетий, поучениям для монархов, автобиографиям, письмам, манускриптам священнослужителей и, в особенности, к юридическим документам более чем за три столетия. Иными словами, наблюдается не недостаток, а избыток источников,

что делает изучение истории теории международных отношений в этой традиции крайне трудоемким процессом, по необходимости предполагающем исторический, философский и аналитический подходы.

Некоторые исследователи говорят даже о сформированном в научной и политической литературе «мифе Вестфалья», в соответствии с которым утверждается, что именно вследствие этих договоров появились суверенные государства [26], хотя потребовалось еще довольно длительное время для того, чтобы суверенитет государств в самом деле утвердился. Другие, например, отечественный международник А.С. Филатов, доказывают, что речь идет не о мифологизации Вестфальского мира и его соглашений, а о мифологизации Вестфальской системы, понадобившейся вследствие завершения этого периода в истории международных отношений и перехода к новой модели взаимоотношений европейских государств [5].

От Вены....

Многие исследователи рассматривают Венский международный порядок как «точку отсчета» в теоретических рассуждениях о международных отношениях. Для этого имелись весьма солидные основания.

Уже к концу XVIII столетия государство как принудительный механизм пережило радикальную трансформацию. Начался процесс слияния двух понятий – «государства» и «нации», следствием чего стало появление «национального государства» (nation state), по-другому организованного и ставящего перед собой иные цели. Если раньше государство формировалось, прежде всего, для реализации двух базовых целей – войны за ресурсы вовне и извлечение ресурсов из своего общества, то теперь к ним добавилось политическое измерение, т.е. необходимость принимать во внимание интересы гражданского общества. Националисты разных мастей рассматривали нацию как группу людей, имеющих общую идентичность и коллективные социальные практики, причем их амбиции простирались настолько далеко, что нация, по их мнению, должна быть поставлена выше государств, структуры которого призваны осуществлять национальные цели.

Моделями для будущего государственного устройства послужили результаты двух революций – Американской революции 1776 года и Великой Французской революции 1789 гг. Ключевые слова в преамбуле к Конституции США «Мы, народ...», немислимые в предшествующей истории. Иначе говоря, граждане, политическое сообщество учреждает государ-

ство, а не наоборот. Среди теоретических источников Конституции была не только британская «Великая хартия вольностей» (Magna Charta) 1215 года, но и важнейшие политико-философские идеи Шарля-Луи Монтескье, Джона Локка и др. мыслителей.

После окончания наполеоновских войн победители собрались в Вене в 1815 году с целью учреждения нового мирового порядка, прежде всего в Европе, способного обеспечить мирное развитие на континенте и зафиксировать новый баланс сил. Как предполагалось, поскольку победителями были носители дореволюционных идей, новый мировой порядок станет вариантом восстановления прежних порядков. Однако ситуация принципиально изменилась. По всей Европе все большее число национальных сообществ требовало признания и участия в «большой» политике. Национализм первой половины XIX века воспринимался во многом как либеральная версия, настаивавшая на праве народов определять собственную судьбу, т.е. праве на самоопределение. Потенциально идея самоопределения означала подрыв легитимности империй. Однако в момент Венского конгресса это было еще дело будущего.

По инициативе русского императора Александра I в следующем году было подписано заявление о создании Священного союза между Россией, Австрией и Пруссией. Американский государственный деятель и ученый Генри Киссинджер определил этот документ как своего рода «декларацию о намерениях», поскольку практическая реализация согласованной позиции в дальнейшем сталкивалась с изрядными трудностями. Как бы там ни было, впервые в истории Европы отношения между главными государствами выстраивались на базе согласованного общего принципа – поддержания мира, а не с целью формирования союзов для ведения войн. Хотя многие более поздние авторы ставили сам принцип баланса сил под сомнение с точки зрения его стабильности и эффективности, другие исследователи видели в нем реальную возможность установления мира. Кроме того, Венский конгресс был лишь первой в череде международных встреч, в конце концов сформировавших «Европейский концерт» (многие авторы рассматривают Европейский концерт как предшественника Лиги Наций и затем ООН). К Священному союзу присоединились один за другим все монархи континентальной Европы. Исключение составил лишь Папа Римский. Удалось преодолеть даже первоначальный скептицизм канцлера Австрии

К. Меттерниха, который, впрочем, усмотрел в нем собственные выгоды, в частности, возможность «сдерживания» Российской империи. Хотя формально Великобритания не вошла в Священный союз, она официально информировала о том, что разделяет его принципы и готова помогать в реализации провозглашенных целей. Для нее все же самым важным было сохранение свободы рук, хотя она и не отказывалась от участия в новом мировом порядке.

Важнейшей характеристикой Венского конгресса стало формирование концепта Европы как некоего «единства», многосторонней дипломатии систематических международных встреч, пришедшей на смену двусторонним отношениям между отдельными государствами (т. наз. «французской системы», господствовавшей на протяжении более 300 лет), а также международных организаций. Важен был также сам прецедент создания нового мирового порядка через многостороннюю международную конференцию. Тем самым, в период первой половины XIX века появились и были разработаны важнейшие принципы международных отношений и некоторые концепты, сохраняющие свое значение в последующий исторический период. Столь же важным было и то, что Венский международный порядок строился на некоторых принципах, которые позднее стали широко признанными: все члены обладали равными правами, обязанности носили взаимный характер, правила и институты были результатом общего согласия.

Первый этап Венского международного порядка завершился Крымской войной (1853-1856): хотя баланс сил между великими державами в результате ее не изменился, «победители» - Пьемонт и Пруссия поставили вопрос о его ревизии [3. С. 211]. Другие исследователи полагают, что Венский международный порядок просуществовал до окончания Первой мировой войны, после которой большинство европейских народов обрели собственные национальные государства.

Таким образом, для того чтобы считать именно Вену в качестве точки отсчета в формировании теории международных отношений имеется достаточно оснований. В любом случае, теоретическое осмысление происходящих международных событий уже существенно отличалось от предшествующих столетий - начали формироваться базовые идеологии (либерализм, консерватизм, марксизм и т.д.), осмысливались принципы республиканизма и гражданского общества, новую трактовку получили «классические» концеп-

ты баланса сил, государственного интереса, силы и др.

С конца XIX столетия...

В 1930-40 гг. утвердилась точка зрения, что теоретические исследования международных отношений начали вызывать интерес в конце XIX столетия. Именно с этого времени, полагают сторонники этой версии, и следует отсчитывать историю теории международных отношений как самостоятельной дисциплины.

По существу, к концу столетия отношения впервые стали подлинно «интернациональными»: уже после Вестфалья они стали межгосударственными. Теперь же это уже были именно отношения между национальными государствами, т.е. международными. Тем не менее, по целому ряду параметров система все еще сильно напоминала Вестфальскую - национальные государства провозглашали суверенитет, формально они были равны между собой; в совокупности они формировали анархическую систему, в которой власть была децентрализована. Вновь созданные в результате объединения национальные государства, в том числе Италия и Германия, автоматически становились легитимными членами Европейского сообщества, поскольку считалось, что власть в них в теории принадлежит народам.

Осмысление новой ситуации заняло не один десяток лет. Но постепенно курсы по международным отношениям начали включать в учебные планы департаментов политических наук (например, в Колумбийском университете в США); периодически уже проводились интеллектуальные дебаты вокруг проблем международного права, геополитики, империализма, мировой торговли, и, разумеется, вокруг проблем войны и мира. Но, что особенно важно, к этому времени уже сложились некоторые наиболее важные концепты, которые и сегодня широко используются в теоретическом дискурсе. Это: национальное государство, национальный интерес, суверенитет, сила, баланс сил и т.д.

Только к концу XIX века начала появляться более или менее систематизированная научная литература, анализирующая международные отношения. Тогда же сформировались сообщества ученых-международников, позднее экспертов, идентифицировавших себя с международными отношениями как с определенной областью знаний. В каком-то смысле новая наука все еще оставалась частью философии, политической экономии, истории или международного права, однако со временем начала приобретать все более

четко очерченные самостоятельные черты. Однако собственно науки о международных отношениях еще не было. А были лишь отдельные труды, затрагивавшие более или менее частные вопросы или продолжавшие рассуждать об этике и морали, лишь походя касаясь международных отношений.

Фундаментальные изменения практически всех сторон жизни тогдашнего общества предполагали также осмысление новых явлений и процессов в сфере международных отношений. Однако большинство современных теоретиков-международников, упомянув Вестфальские мирные договоры 1648 года как точку перехода – «революцию суверенитетов», сразу же переходят в своих исследованиях к формированию анализа ТМО как дисциплины только после окончания Первой мировой войны. На наш взгляд, это не совсем верно. Именно с середины и во вторую половину XIX века постепенно начинается более или менее систематическое изучение международных отношений, которое приобретает черты «науки о международной политике» [14. С. 3].

От Версаля...

В качестве даты рождения дисциплины, которая на Западе сегодня называется «Теорией международных отношений», многими учеными принят 1919 год, причем идея создания новой науки появилась еще до того, как был подписан Версальский мирный договор, ознаменовавший окончание Первой мировой войны. Так, известный историк Эдвард Карр, член британской делегации на Парижской мирной конференции 1919 года, редактор влиятельной газеты «Таймс», профессор Кембриджского университета и один из будущих создателей «политического реализма», обозначил именно окончание Первой мировой войны как момент появления «науки о международных отношениях». По его мнению, международные отношения настолько кровавы, что предполагают внимание не только к дипломатам и солдатам, но и к ученым [14. С. 128].

Кроме того, 1919 год был отмечен созданием первой самостоятельной кафедры международных отношений в университете Аберисвит (Уэльс, Великобритания). Но это еще не означало появление полноценной самостоятельной дисциплины. Другое дело, названный год, в самом деле, был весьма значим для формирования англо-американского эпистемологического сообщества – «англосферы» [11], в котором с каждым годом все большее внимание уделялось научному изучению международных отношений. Вслед за университетом Уэльса многие другие универси-

теты также начали создавать у себя кафедры Международных отношений.

Неудивительно поэтому, что дата отсчета истории теории международных отношений с 1919 года приобрела особую популярность в Великобритании, она также имеет широкое признание в современной России, а ранее в СССР, не только в силу длительного влияния английской традиции в международных исследованиях, но и в связи с возможностью датировать начало новой системы международных отношений окончанием Первой мировой войны и Великой Октябрьской революцией 1917 года в России.

В самом деле, изначально это был весьма амбициозный проект, носивший преимущественно либеральный характер. Позднее в качестве этапа становления дисциплины он был включен в «большую», каноническую теорию международных отношений.

Ретроспектива: «Большие (Великие) дебаты»

Особенно популярным среди профессионалов стало рассмотрение теории через противопоставление подходов, стоящих по важнейшим вопросам на крайних, полярных позициях. Можно не сомневаться, что, открыв почти любой отечественный или зарубежный учебник по теории международных отношений (ТМО), мы найдем хотя бы несколько страниц, посвященных так называемым «Великим дебатам» («Большим спорам») между двумя или, в более поздний период, несколькими группами ученых-представителей «школ», опиравшихся на разные концепты и их трактовки. В научной литературе обычно говорится о трех (реже – четырех) подобных теоретических дискуссиях, некоторые авторы ставят вопрос и о пятых «Великих дебатах».

Основной принцип «Великих дебатов» заключался в противопоставлении взглядов конкурирующих теоретических лагерей, что, как считается, позволяло выявить точки несогласия и наметить ключевые темы, осмысление которых оказывалось приоритетным на том или ином историческом этапе. При этом сталкивались не просто разные течения международно-политической мысли, а наиболее заостренные, в которых противоречия были выражены наиболее сильно. Одни исследователи полагают, что они характеризовались множеством сдвигов, конкурентных столкновений между разными авторами, а это позволило структурировать дисциплину. Другие ученые, наоборот, утверждают, что они показали слабости и сильные стороны предмета, что, в конце концов, все-таки помогло становлению как самостоятельной об-

ласти знаний. Третьи полагают, что без «Великих дебатов» вообще не существует приемлемого способа изложения истории ТМО, особенно в учебных целях.

Как бы там ни было, благодаря новой дисциплине - истории ТМО, довольно быстро выяснилось, что сам термин «Великие дебаты» впервые начали употреблять австрало-британский международник Хедли Булл (с именем которого обычно связывают «Английскую школу») и американский бихевиоралист Мортон Каплан, однако они не без иронии относили его к своим собственным дискуссиям о «научности» ТМО, которые позднее будут названы Вторыми Великими или методологическими дебатами 1950-60-х годов (и это уже всерьез). Но это было только началом создания конструкта.

К немалому удивлению не слишком вдумчивых авторов, воспринимавших ее просто на веру, историки теории международных отношений доказали, что идея о трех последовательных «Великих дебатах» была сформулирована только в 1970-1980-е годы как результат стремления очертить теоретические контуры и проблемное поле «постоянно разветвляющейся дисциплины».

По сути, начало «Третьих дебатов» стало точкой обратного отсчета: «Великие дебаты» было предложено рассматривать в ретроспективе, а не в исторической последовательности. Предшествующие дебаты были сознательно сдвинуты во времени - сначала примерно на десятилетие назад, а затем распространялись чуть ли не на весь период после окончания Первой мировой войны. Такая структуризация истории дисциплины включала положение о первых «Великих дебатах» между либералами (идеалистами) и реалистами вокруг знаменитой работы Эдварда Карра «Двадцатилетний кризис» (1939 год и позднее). Для того чтобы упорядочить крайне эклектичную дисциплину в 1980-е гг., были добавлены еще двое «Дебатов» - вторые - 1960-х гг, методологические - между бихевиоралистами (сциентистами) и традиционалистами, их часто описывают как дебаты между сторонниками поведенческого подхода к международным отношениям, с одной стороны, и представителями более или менее традиционалистской Английской школы, - с другой; и, наконец, третьи - «межпарадигмальные», начавшиеся с середины 1980-х гг. и объясняющие теорию международных отношений как споры между тремя парадигмами - неореализмом, либерализмом и структурализмом (в другой редакции - рационализмом и релятивизмом). Это не означает, что дебатов

не было, диалог и спор - характерные черты становления дисциплины, как и всякой другой науки, а не идеологии.

Здесь же мы говорим именно о формировании канона периодизации при рассмотрении структуризации дисциплины как некоей догмы, затушевывающей целый ряд не менее важных споров и разногласий, проходивших на протяжении всего XX столетия (например, между марксистами и либералами, деонтологическими либералами и консерваторами, реалистами разных поколений, позитивистами и постпозитивистами, и т.д.). При этом, вся теория международных отношений предстает как история политического «реализма», пребывавшего в состоянии то наступления, то обороны по отношению к альтернативным подходам.

Как бы там ни было, вследствие абсолютизации «Великих дебатов» теоретическая картина оказывается далеко на полной: «теряются» взгляды европейских мыслителей, особенно французских и немецких, советская теория международных отношений, а также попытки создания альтернативных проектов в так называемом «не-Западном мире» в целом. И тем не менее, подходы англосаксонских теоретиков оказываются весьма полезными для формирования общего представления об истории развития дисциплины, хотя бы в силу их заметного доминирования в международных исследованиях на протяжении нескольких десятилетий. Еще одна проблема связана с тем, что далеко не все теории международных отношений находились и находятся в конкуренции друг с другом, многие носят взаимодополняющий характер, например, рационализм и институциональный либерализм или феминизм и критическая теория. Акцент на крайностях все-таки очевидно примитивизирует дисциплину.

После «холодной войны»...

Некоторые международники утверждают, что теория международных отношений началась с 1991 года, то есть с момента, когда ее представители начали рассуждать вокруг идеи сообщества государств, то есть не только о «выживании», но и о «хорошей жизни», чем, собственно, до этого занималась преимущественно политическая теория (философия).

Наконец, английский политический философ Хартмут Бер рассматривает еще один вариант ракурса генеалогических сдвигов в теоретическом осмыслении международных отношений [10. С. 6-7]: во-первых, это трансформации начала XIX века, отмеченных подъемом национализма и превращением национального государства в преобладаю-

ций паттерн международного порядка на фоне упадка универсалистского мышления; и, во-вторых, это еще один сдвиг, начавшийся в 1990-е гг. и означавший конец «холодной войны» и начало дискуссий о «новом мировом порядке», потребовавший пересмотра традиций и утверждений отдельных мыслителей, еще недавно казавшихся вечными константами.

Мы рассмотрели лишь несколько примеров раскрытия теории международных отношений и «точек отсчета». Таким образом, существует множество интерпретаций зарождения и становления теории международных отношений как самостоятельной социальной дисциплины, споры на эту тему продолжаются.

Результаты исследования.

Таким образом, теоретические исследования международных отношений в силу

междисциплинарности направления сегодня охватывают множество дисциплин, начиная с политической философии и политологии, международного права, социологии, политической экономии и т.д. и кончая историей, без которой вообще полноценное понимание международных процессов вряд ли было бы возможно.

Параллельно процессу разветвления теоретических воззрений в научном сообществе сформировалось общее согласие в отношении того, что по мере изменения исторического контекста требуется разработка все новых и новых концептуальных инструментов анализа при сохранении единого дисциплинарного поля. Иначе говоря, теория международных отношений - «продукт в процессе», поэтому она никогда не сможет стать завершенной и периодически будет проходить через периоды то стабильности, то революционных изменений.

Литература:

1. Андерсон Бенедикт. Воображаемые сообщества. М., 2001.
2. Козелек Рейнхарт. Теория и метод определения исторического времени // Логос. 2004. № 5 (44).
3. Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2007.
4. Фененко А.В. История международных отношений. 1648-1945. М., 2018.
5. Филатов А.С. Россия и мир. Геополитика в цивилизационном измерении. М., 2015.
6. Anderson, Benedict. Imagined Communities. London, New York: Verso, 2006.
7. Armitage, David. Foundations of Modern International Thought. Harvard University, Massachusetts. 2000-2013. Parts 1, 2, 3.
8. Armstrong D. Revolution and World Order: The Revolutionary State in International Society, Print publication date: 1993, Published to Oxford Scholarship Online: November 2003.
9. Ashworth, Lucian. A History of International Thought. London: Routledge. 2014.
10. Behr, Hartmut. A History of International Political Theory. Ontologies of the International. London: Palgrave Macmillan, 2010.
11. Bell, Duncan. The Idea of Greater Britain, Princeton: Princeton University Press, 2007.
12. Bishop, Christopher. Review of International Studies. December 1998, Aberyswyth // Foreign Policy. Winter 1998/1999. Issue 113.
13. Cavallar, Georg, The Rights of Strangers. Theories of International Hospitality, The Global Community and Political Justice, since Vitoria, Cambridge: Ashgate. 2002.
14. Carr, E. The Twenty Years' Crisis: 1919-1939. New York: Perennial. 2001.
15. Der Derian, James. On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement, 1987. Oxford: Basil Blackwell, 1987.
16. Hall, Jan. Radicals and Reactionaries in Twentieth-Century International Thought. Berkeley: University of California Press, 2012.
17. Holsti, K.J. The Dividing Discipline: Hegemony and Diversity in International Theory. Boston: Allen and Unwin, 1985.
18. Gunnell, John. The Descent of Political Theory: The Genealogy of an American Vocation (1993); The Orders of Discourse: Philosophy, Social Science, and Politics (1998); and Imagining the American Polity: Political Science and the Discourse of Democracy, 2004.
19. Knutsen, Torbjorn L. A History of International Relations Theory, Manchester: Manchester University Press, 2016.
20. Lake. David A. Why "isms" Are Evil: Theory, Epistemology, and Academic Sects as Impediments to understanding and Progress // International Studies Quarterly. 2011. № 55.
21. Pocock, J.G. Politics, Language, and Time. 1971.

22. Ringmar, Erik. The Making of the Modern World, E-International Relations // <https://www.e-ir/2017/12/24/getting-started-with-international-relations-theory>.
23. Ruggie, John. Continuity and Transformation in World Polity // World Politics. 1983. № 35.
24. Schmidt, Brian C. On the History and Historiography of International Relations. Handbook of international Relations / Ed. by Carlsnaes, Walter, Risse, Thomas and Beth A. Simmens, London: SAGE, 2013.
25. Skinner, Quentin. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. № 1.
26. Teschke, B. The Myth of 1646: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations. London: Verso, 2003.
27. Walker R.B.J. After the Globe before the World. NY: Routledge, 2010.
28. Wight, Martin. Why is There No International Theory? // Diplomatic Investigations / Ed. by Butterfield, Herbert and Martin Wight. London: George Allan and Unwin. 1966.
29. Zimmern, Alfred. Learning and Leadership: A Study of the Needs and Possibilities of International Intellectual Cooperation, London: Oxford University Press. 1928.

“THE STARTING POINT”: HISTORY OF THE THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AS A NEW SUB DISCIPLINE

Introduction. A new sub discipline of the Theory of international relations – The History of the TIR, is already in place in the scientific community of international studies. One of the most important problems, stated by the scientists, is the heterogeneity, fragmentation and the lack of finished structure of the Theory of international relations. This article is devoted to only one of the multitude of questions: what date may be regarded as a “starting point”, the beginning of the discipline from which we should analyze the achieved results?

Materials and Methods. While preparing this article, the author used the method of the comparative study of the intellectual traditions in the history of the political and legal thought.

The Results of the Study. Nowadays the Theory of international relations is still at the stage of formation with its main features as fragmentation and absence of coherence towards the key moments of its development, including the date of its birth. Therefore, the appearance of the new discipline – History of the Theory of international relations – is quite natural as it helps to build necessary “bridges” and to clarify the details of the international studies development.

Discussion and Conclusions. Today none of the existing theoretical or epistemological attitudes can be regarded sufficiently complete to pretend for a monopoly in the international studies. Moreover, no real intellectual progress allows this or that theoretical worldview to have the absolute priority. In the context of the quite complicated and contradictory issues that exist in real international relations, no simple or unequivocal explanation is possible. Therefore, it is high time to turn away from the endless interdisciplinary debates and start evaluating the real problems, but it would presuppose, according to David A. Lake, the recognition of different judgments and articulation of the lexicon which is able to identify not only what the various research traditions have in common but also what differentiates them.

Elena S. Karsanova,
Doctor of Political SciTatiana Alekseeva,
Doctor of Science (Philosophy), Head of the
Department of Political Theory, MGIMO-
University under the MFA of Russia.

Ключевые слова:

теория международных отношений;
интеллектуальная история; «точка
отсчета» - рождение теории;
междисциплинарность; «Великие дебаты»

Keywords:

theory of international relations; intellectual
history; “starting point” - the birth of theory;
interdisciplinarity; Great Debates

References:

1. Anderson Benedikt, 2001. Voobrazhaemye soobshchestva [Imaginary Communities]. Moscow.
2. Kozelek Rejnhart, 2004. Teoriya i metod opredeleniya istoricheskogo vremeni [The Theory and Method of Historical Times Definition]. Logos. № 5 (44).
3. Lebedeva M.M., 2007. Mirovaya politika [The World Politics]. Moscow.

4. Fenenko A.V., 2018. *Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij* [The History of International Relations]. 1648-1945. Moscow.
5. Filatov A.S., 2015. *Rossiya i mir. Geopolitika v civilizacionnom izmerenii* [Russia and the World. Civilization Dimension of Geopolitics]. Moscow.
6. Anderson, Benedict, 2006. *Imagined Communities*. London, New York: Verso.
7. Armitage, David. *Foundations of Modern International Thought*. Harvard University, Massachusetts. 2000-2013. Parts 1, 2, 3.
8. Armstrong D., 2003. *Revolution and World Order: The Revolutionary State in International Society*, Print publication date: 1993, Published to Oxford Scholarship Online: November.
9. Ashworth, Lucian, 2014. *A History of International Thought*. London: Routledge.
10. Behr, Hartmut, 2010. *A History of International Political Theory. Ontologies of the International*. London: Palgrave Macmillan.
11. Bell, Duncan, 2007. *The Idea of Greater Britain*, Princeton: Princeton University Press.
12. Bishop, Christopher. Review of International Studies. December 1998, Aberyswyth. *Foreign Policy*. Winter 1998/1999. Issue 113.
13. Cavallar, Georg, 2002. *The Rights of Strangers. Theories of International Hospitality, The Global Community and Political Justice, since Vitoria*, Cambridge: Ashgate.
14. Carr, E., 2001. *The Twenty Years' Crisis: 1919-1939*. New York: Perennial.
15. Der Derian, James, 1987. *On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement*, 1987. Oxford: Basil Blackwell.
16. Hall, Jan, 2012. *Radicals and Reactionaries in Twentieth-Century International Thought*. Berkeley: University of California Press.
17. Holsti, K.J., 1985. *The Dividing Discipline: Hegemony and Diversity in International Theory*. Boston: Allen and Unwin.
18. Gunnell, John. *The Descent of Political Theory: The Genealogy of an American Vocation* (1993); *The Orders of Discourse: Philosophy, Social Science, and Politics* (1998); and *Imagining the American Polity: Political Science and the Discourse of Democracy*, 2004.
19. Knutsen, Torbjorn L., 2016. *A History of International Relations Theory*, Manchester: Manchester University Press.
20. Lake. David A., 2011. Why "isms" Are Evil: Theory, Epistemology, and Academic Sects as Impediments to understanding and Progress. *International Studies Quarterly*. № 55.
21. Pocock, J.G., 1971. *Politics, Language, and Time*.
22. Ringmar, Erik. *The Making of the Modern World, E-International Relations*. URL: <https://www.e-ir/2017/12/24/getting-started-with-international-relations-theory>.
23. Ruggie, John, 1983. *Continuity and Transformation in World Polity*. *World Politics*. № 35.
24. Schmidt, Brian C., 2013. *On the History and Historiography of International Relations*. *Handbook of international Relations*. Ed. by Carlsnaes, Walter, Risse, Thomas and Beth A. Simmons. London: SAGE.
25. Skinner, Quentin, 1969. *Meaning and Understanding in the History of Ideas*. *History and Theory*. № 1.
26. Teschke, B., 2003. *The Myth of 1646: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*. London: Verso.
27. Walker R.B.J., 2010. *After the Globe before the World*. NY: Routledge.
28. Wight, Martin, 1966. *Why is There No International Theory?* *Diplomatic Investigations*. Ed. by Butterfield, Herbert and Martin Wight. London: George Allan and Unwin.
29. Zimmern, Alfred, 1928. *Learning and Leadership: A Study of the Needs and Possibilities of International Intellectual Cooperation*, London: Oxford University Press.